

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВИЧА ВАСИЛЬЕВА

31 октября 2025 г. ушел из жизни известный ученый, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, член редколлегии журналов «Сибирский филологический форум», «Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева».

От нас ушел крупный специалист в области лингвистики. Вся его жизнь – бесконечная преданность науке и системе образования. В этом году его педагогический стаж составил 50 лет. На его счету 6 подготовленных кандидатов филологических наук, 410 публикаций, из них 10 монографий и 13 учебных пособий, не считая переизданий.

Широкая эрудиция, увлеченность, глубокое чувство ответственности за порученное дело были определяющими чертами А.Д. Васильева. Его научные наблюдения отличались остротой и злободневностью. На рабочем столе осталась открытой рукопись только что завершенной монографии.

Коллектив филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева выражает глубокое соболезнование родным и близким Александра Дмитриевича.

Коллеги филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

О профессоре А.Д. Васильеве

Уход из жизни профессора Александра Дмитриевича Васильева стал для нас, красноярских филологов, внезапной и серьезнейшей потерей. Символично, что узнали мы об этом буквально на открытии конференции, которую он вместе с коллегами по педагогическому университету и создал много лет назад. Ушел буквально на бегу, в ходе исследовательской работы, как на сцене актер...

Вспоминаем, как в первый раз увидели Александра Дмитриевича в 1989 (кажется) году на кафедре русского языка Санкт-Петербургского университета в разговоре с профессором В.В. Колесовым. Обращаясь к находящимся на кафедре, Владимир Викторович сказал: «Знакомьтесь, коллега из Сибири, из Красноярска». Через два-три года, уже в Красноярске, в государственном университете, нужно было найти солидного председателя государственной экзаменационной комиссии для выпускающихся филологов-русистов и журналистов. Не помню уже кто, наверное, Т.В. Шмелева посоветовала обратиться к А.Д. Васильеву. Через долгие годы, уже седые сами, эти филологи вспоминали, насколько внимательно

заслушивались их доклады, читались их дипломные работы. И так во всем – дотошность, серьезная вдумчивость, заинтересованное обсуждение и вопросы – профессор Васильев умел быть и собеседником, и критиком, умел и подбодрить молодого коллегу, и встряхнуть засыпающую после трудов праведных аудиторию научной секции иронической фразой, уместной цитатой из классиков.

А как широк был круг его научных связей... Он переписывался с множеством коллег со всех концов страны – из Екатеринбурга, Перми, Владивостока, Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира... В 2013 г. на научной конференции по профессиональному языку в издательстве «Златоуст» можно было видеть воочию, как сердечно приветствовали профессора-красноярца Васильева участники заседаний.

Сколько книг, статей, проблем, учеников!.. Профессор Васильев останется в нашей памяти примером служения отечественной русистике, примером ученого, ответственного за состояние науки о русском языке, любви и бережного отношения к русской речи.

*A.B. Михайлов, доцент, заведующий кафедрой общественных связей,
Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М.Ф. Решетнёва,
T.B. Михайлова, доцент кафедры общественных связей,
Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М.Ф. Решетнёва*

Уход из жизни Александра Дмитриевича – большая утрата для семьи, коллег, друзей, его студентов и всех, кто его знал. Врачи делали все возможное, но болезнь победила жизнь. Пусть земля ему будет пухом! А тем, кто его знал, кто работал, дружил с Александром Дмитриевичем, останется добрая память. Низко склоняю голову перед его именем за многие годы дружбы, 51 год.

*Н.И. Дроздов, ректор КГПУ им. В.П. Астафьева 1997–2012 гг., профессор,
Сибирский федеральный университет*

Александр Дмитриевич – большой друг томичей и талантливый ученый. Выражаю глубочайшие соболезнования Вам, всем близким и коллегам!
Светлая память Александру Дмитриевичу!

*О.Г. Щитова, профессор,
Томский государственный исследовательский университет*

Узнала о кончине Александра Дмитриевича.

Недели две назад читала его книгу по политической лингвистике. Восхищалась слогом, логикой, доступностью изложения.

Печально, когда уходят Ученые, Учителя. Александр Дмитриевич увековечил себя в книгах, он будет жить в диалогах с читателями-лингвистами. Светлая память!

Примите мои глубочайшие соболезнования.

Да поможет Вам Господь!

*И.В. Евсеева, профессор,
Сибирский федеральный университет*

В память об ученом публикуется его последняя статья.

УДК 81-114

О НОВОМ ДОКУМЕНТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ «ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

А.Д. Васильев|(Красноярск, Россия)

Аннотация

Любой стране в той или иной мере свойственно официально выражаемое внимание к языку (языкам), являющемуся основным средством общения для его граждан. Сложная и многосторонняя совокупность мероприятий, обычно обозначаемая термином «языковая политика», включает в себя и разработку руководящих документов, призванных регламентировать ее основные направления.

Суверенное государство, конституционно установив в важнейшем статусе государственного национальный язык конституционно государствообразующего народа, обоснованно считает своим долгом проведение такой языковой политики, которая направлена на поддержку, защиту и укрепление позиций этого языка. Разумеется, эти шаги власти затрагивают области весьма широкого диапазона, поскольку никакая деятельность граждан практически неосуществима без речевого общения.

Поэтому официальные документы, манифестирующие намерения государства в сфере языковой политики, чрезвычайно важны для всего общества и должны получать публичную известность.

Новейшим свидетельством внимания государства к проблемам функционирования русского языка стали Основы государственной языковой политики Российской Федерации.

Необходимость в принятии подобного документа назревала в течение последних примерно двух-трех десятилетий, и наконец он появился в июле 2025 г.

Не подлежит сомнению высокая значимость этого документа и его особая ценность для коренных носителей русского языка. Вместе с тем некоторые формулировки данного текста могут представляться не вполне совершенными. Они и служат предметом рассмотрения в статье.

Ключевые слова: языковая политика, русский язык, государственный язык, развитие и поддержка государственного языка, система мероприятий для повышения речевой культуры.

Государственный язык, будучи конституционно установленным, принадлежит к числу важнейших символов этого государства. Когда же этот язык является и родным для большинства населения страны (конституционно – государствообразующего народа), то понятно, что официальная языковая политика затрагивает повседневные жизненные интересы множества граждан и потому выступает одним из основополагающих направлений политической деятельности.

Государство выражает свои намерения в этой сфере в разных формах, в том числе в виде программных документов, представляющих векторы его языковой политики. Однако на протяжении довольно длительного времени некоторым проблемам в сфере речевой коммуникации уделялось недостаточно внимания. Наконец недавно был опубликован официальный документ, содержащий ряд важных установок.

Некоторые общетеоретические положения, касающиеся языковой политики, были ранее изложены автором в ряде публикаций, в том числе в статье «Вопросы культуры русской речи и аспекты российской языковой политики» [Васильев, 2025]. Поэтому здесь излагаются лишь отдельные суждения по поводу Основ государственной языковой политики Российской Федерации [Указ Президента № 474 от 11.07.2025].

В числе «основных понятий» (п. 4) – «а) государственный язык Российской Федерации – общепринятая форма русского языка, соответствующая нормам современного русского литературного языка <...> и подлежащая обязательному использованию в определенных законодательством <...> сферах» – довольно очевидно, что в данном случае имеется в виду «язык государства», то есть та форма русского языка, прежде всего на уровне лексико-фразеологическом, которая присуща официально-деловому стилю, наиболее податливому для регулирования [Васильев, 2021].

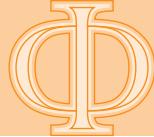
В п. 8 сказано, в частности: «именно русский язык в значительной мере определяет общероссийскую гражданскую идентичность» – не вполне понятно выделенное курсивом словосочетание. Нечеткость его семантики вызвана прежде всего использованием слова *идентичность*, довольно частотного в официозных текстах¹ и выступающего в функции мифогена².

Отрадно знать, что «Россия успешно противостоит попыткам <...> навязывания идеологических установок, противоречащих традиционным российским духовно-нравственным ценностям» (п. 13); впрочем, понятно, что задачей данного документа не является конкретизация «успехов». Кроме того, несколько парадоксально, что враждебные России «идеологические установки» безусловно есть, а соевой идеологии у суверенной страны конституционно нет.

Среди «рисков, угроз и проблем» в п. 16а названо «отсутствие федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере <...> языков» – по существу, предлагается к имеющимся министерствам просвещения, образования, культуры добавить еще одну бюрократическую инстанцию.

¹ Васильев А.Д. Очерки политической лингвистики. М., 2018. С. 25–26.

² Васильев А.Д. О мифотворчестве средствами массовой информации // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. СПб., 1995. С. 49.

Справедливо замечание о «необоснованном использовании в сферах официального общения иностранных слов» и т.д. (п. 16в). Но ведь и сами высокие руководители нередко щеголяют красным иноязычным словцом³.

В п. 16в упомянуто «сокращение численности носителей языков народов Российской Федерации» – непонятно, включены ли наконец сами русские в число носителей.

В п. 17 говорится о необходимости «предпринять скоординированные, комплексные и широкомасштабные усилия» (если они замышляются таковыми, то для их согласования и принятия разными ведомствами потребуется немало времени), в том числе по «формированию *общероссийской гражданской идентичности*». Но, судя по формулировке п. 8, этот гомункул уже существует; его осталось лишь «укреплять» (п. 18в).

Наверное, в п. 19ж следовало бы говорить об исследованиях не в «языковой сфере», а именно в лингвистической.

Не вполне понятно, как конкретно будут решаться хотя бы некоторые из задач государственной языковой политики, приведенные в п. 20. Например: каким образом предполагается достичь «утверждения в обществе представлений о высокой социальной ценности речевой культуры» и проч. (б), «повышение доступности для граждан <...> информации о нормах современного русского литературного языка» (е) – их преподают еще в школе; «обеспечение соблюдения» этих же норм при трансляции не на «общероссийских обязательных [!] общедоступных теле- и радиоканалах», а на местных, региональных, «независимых» и проч.; каким будет «содержательное введение в систему образования и подготовки специалистов по изучению и преподаванию русского языка» (з) и что представляет собой «содержательная система подготовки научных кадров» (к). Вероятно, под научными исследованиями «в области педагогики» (л) подразумеваются изыскания в сфере методики преподавания.

В п. 20б справедливо говорится о «недопустимости использования нецензурной лексики». Однако «не допускать» ее можно по-разному. С одной стороны, продолжает действовать ст. 20.1 Кодекса об административных правонарушениях, предусматривающая ответственность за мелкое хулиганство, в том числе за «некензурную брань в общественных местах». С другой стороны, известно, что ст. 29 действующей конституции («гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается») трактуется зачастую весьма широко. В этом выражается радикальная смена векторов культурной политики по сравнению с советскими⁴. И многочисленные тексты, литературно-художественные и иные, реплики персонажей фильмов и ток-шоу дают соответствующие примеры своеобразно понимаемой свободы слова: употребление мата обычно оправдывается (если вообще

³ Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: в 2 т. Красноярск, 2020. Т. 1. С. 126 и др.

⁴ Васильев А.Д. Слово в российском телевидении. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. С. 169–172.

Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013. С. 107–111.

оправдывается) некоей «творческой потребностью» и необходимостью самовыражения личности. Для реального преодоления этого порока настолько необходимо введение жесткого редактирования текстов.

Кроме того, знакомство носителей русского языка с «объектами культурного наследия» (и), как то: с квартирами и усадьбами мастеров слова, может быть полезно при изучении биографии писателя и его личности, но вряд ли представляет ценность с точки зрения «изучения, преподавания и популяризации русского языка и литературы» (там же). Для успешного достижения целей в последних перечисленных областях необходимо все же прежде всего ч т е н и е литературных произведений.

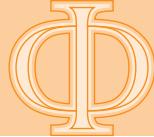
В п. 22а предполагается «обеспечение условий для продвижения русского языка как языка межнационального общения на постсоветском пространстве»; возможно, среди этих условий – и возведение в бывших «братьских республиках» дорогостоящих культурных объектов (школ, театров и т.п.) за счет российского бюджета, что чрезвычайно расходно и вряд ли дальновидно.

Здесь в п. 22в упомянуто «расширение <...> связей <...> с иностранными гражданами, <...> разделяющими традиционные российские духовно-нравственные ценности». Вероятно, будет разработана какая-то научообразная система оценок степени преданности упомянутым *ценностям*.

В п. 23а говорится о «расширении возможностей использования федеральной государственной информационной системы Национальный словарный фонд». Однако работы над этой системой пока что лишь продолжаются, и об их результатах говорить весьма преждевременно.

В этом же разделе излагается грандиозная образовательная задача: «разработка и внедрение программ в н е у р о ч н о й деятельности и специализированных д о п л и т е л ь н ы х образовательных программ, направленных на ф о р м и р о в а н и е г р а м о т н о й п и сьм ен н о й р е ч и, развитие читательской и информационной культуры подрастающего поколения» (23е).

Что касается собственно «разработки программ», то, несомненно, это вполне осуществимо силами многочисленных околообразовательных псевдонаучных заведений. Совсем иное дело – «внедрение» этих программ. Крайне сомнительно, что их с большим энтузиазмом встретят школьные словесники, и так уже, как правило, трудящиеся не на одну ставку. Теперь же их собираются нагрузить еще и дополнительной **внеурочной** деятельностью (в придачу к уже имеющейся). Кроме того, школьная программа по русскому языку и так предполагает формирование грамотной письменной речи учащихся. Если же основного учебного времени для этого недостаточно, то, может быть, следует увеличить количество уроков русского языка. Надо предвидеть также, что увеличение количества учебных часов, перемещенных во внеурочную форму, вряд ли вызовет приступ энтузиазма у очень многих школьников. Среди них есть и те, кто, мягко говоря, не очень любит уроки русского языка. Если же эту важнейшую дисциплину станут насаждать принудительно, «как картофель при Екатерине» (Б. Пастернак), то такое благое начинание способно спровоцировать лишь эффект отторжения.

Подрастающему поколению постоянно навязывают то, что, видимо, имеется «информационной культурой», посредством разнообразных гаджетов. Однако большой вопрос, насколько такое «развитие» сопрягается с развитием культуры читательской: молодежь вывели на путь бездумного потребления (выращен «квалифицированный потребитель», по А. Фурсенко) информационных продуктов. А чтение литературы подразумевает размыщение над прочитанным, то есть сложный процесс активного сотворчества читателя и автора (М.М. Бахтин). По существу, «информационная культура» не дополняет, но исключает культуру читательскую.

«Поддержка развития русского жестового языка» (п. 23к) вряд ли может считаться входящей непременно в круг задач для сохранения и развития русского языка. Если здесь учтены нужды инвалидов по слуху, то, наверное, было бы логичным принять во внимание и запросы инвалидов по зрению. Строго говоря, «языки» этих граждан, то есть искусственные знаковые системы, не являются языками в полном смысле слова. Для поддержания их функционирования необходима особая программа.

Многоступенчатые словесные конструкции п. 23л и 23м предназначены, вероятно, для косвенного выражения нехитрой якобы аксиомы: российской экономике чрезвычайно необходимы в качестве трудового ресурса иностранные граждане. По существу, здесь констатируется будто бы неизбежность их пребывания на территории РФ. И дело теперь за малым: наладить учет и контроль их знаний в сфере русского языка. Иначе говоря, как и во многих других случаях, телега поставлена впереди лошади: с начала власти решили массово заселять необъятные просторы родины «ценными специалистами», а уж потом озабочились их обучением русскому языку.

Но, оказывается, и это не главное. Главное – это «внедрение комплексной системы оценки уровня языковой адаптации иностранных граждан» (п. 23л), которые как-то уж очень быстро получают российское гражданство. Конечно, такую «комплексную систему» изобретут в каком-то околонаучном заведении, как и «систему тестирования несовершеннолетних иностранных граждан на знание русского языка» (п. 23м). Правда, если иностранные граждане безусловно объявляются «ценными специалистами», то вряд ли таковыми являются их несовершеннолетние отпрыски. Пребывание последних в классах среди русскоязычных детей заметно затрудняет процесс обучения и делает его заведомо малоэффективным – ведь совершенно непонятно и то, какой объем знания русского языка достаточен для приема на обучение в российские образовательные организации (Там же). При этом даже информация из открытых источников (которые, возможно, скоро станут закрытыми) свидетельствует об абсолютном нежелании мигрантов и их детей адаптироваться к условиям жизни в России и их, нередко, неприятии традиций коренного населения. Сказанное относится также к содержанию п. 25в и 25г.

Раздел VII «Инструменты и механизмы реализации государственной языковой политики» также небезынтересен.

В частности, здесь в п. 32 перечислены организационные возможности (по-новорусски, видимо, *компетенции*) Совета при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации⁵. Совет «координирует деятельность субъектов государственной языковой политики по реализации этой политики» (п. 32а) – по-видимому, это означает наращивание объемов служебной переписки. Совет же «осуществляет анализ и оценку эффективности реализации программ и проектов в языковой сфере» – значит, вероятно, прежде всего будет разработана система показателей эффективности, на основе применения которой станут составлять отчеты⁶. Это вероятно тем более, что уже известно о разработке методики измерения *традиционных духовно-нравственных ценностей* у российского студенчества.

Согласно п. 33б, параллельно вышеприведенному, правительство, со своей стороны, «разрабатывает и утверждает основные характеристики (*индикаторы*), позволяющие оценивать эффективность деятельности» органов власти по реализации «Основ». То есть будет производиться дублирование статистической отчетности, построенной на не вполне понятных *индикаторах* (об этом же – и п. 39).

Правительство же (п. 33г) «определяет федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики <...> в сфере сохранения <...> языков народов Российской Федерации». По-видимому, такой орган будет незамедлительно учрежден. Он, кроме того, будет ответственным «за обеспечение координации <...> федеральных органов <...> власти» – но «координация» уже возложена на Совет (п. 32а).

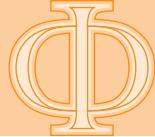
Может быть, п. 38в (о том, что «реализация государственной языковой политики будет способствовать <...> повышению гражданами России уровня владения русским языком») следовало бы сформулировать несколько иначе: «повышению уровня владения русским языком гражданами России» – то есть более внятно.

Выводы. Безусловно, документ, подобный Основам государственной языковой политики Российской Федерации, насущно необходим. Понятно, что он должен был стать заменой/дополнением малоизвестного паллиативного закона о государственном языке 2005 г.⁷. В тексте Основ содержится немало важных положений. Наряду с ними встречаются и не вполне удовлетворительные формулировки.

⁵ Вновь обратим внимание на многозначительность этого названия: русский фактически обособлен от всех других языков страны.

⁶ Ср.: «Поднято ярости масс – 3» // Ильф И., Петров Е. Для полноты счастья // Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: в 5 т. М., 1961. Т. 3. С. 265–270. Это касается и «укрепления общероссийской гражданской идентичности» (п. 38б): непонятно, как будут измеряться достижения в такой маловнятно обозначенной сфере.

⁷ Васильев А.Д. Российская языковая политика 1991–2005 гг. Красноярск, 2008 С. 72–116.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412219970/>
2. Васильев А.Д. Вопросы культуры русской речи и аспекты российской языковой политики // Сибирский филологический форум. 2025. № 3 (32). С. 4–13. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-3-4-13
3. Васильев А.Д. Терминологические аспекты современной российской языковой политики // Сибирский филологический форум. 2021. № 2. С. 37–46.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

ABOUT NEW DOCUMENT REGARDING STATE LANGUAGE POLICY “ON THE APPROVAL OF THE FUNDAMENTALS OF THE STATE LANGUAGE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION”

A.D. Vasiliev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Any country, to one degree or another, is characterized by officially expressed attention to the language(s), which is the main means of communication for its citizens. A complex and multifaceted set of activities, usually referred to by the term ‘language policy’, includes the development of guidance documents designed to regulate its main areas.

A sovereign state, having constitutionally established the national language of a constitutionally state-forming people in the most important status, justifiably considers it its duty to pursue a language policy aimed at supporting, protecting and strengthening the position of this language. Of course, these steps by the authorities affect areas of a very wide range, since activity of citizens is practically impossible without verbal communication.

Therefore, official documents that manifest the intentions of the state in the field of language policy are extremely important for the whole society and should be publicly known.

The latest evidence of the state’s attention to the problems of the functioning of the Russian language is the Foundations of the state language policy of the Russian Federation.

The need to adopt such a document has been brewing for the past two or three decades, and finally it appeared in July 2025.

There is no doubt about the high significance of this document and its special value for native speakers of the Russian language. However, some formulations of this text may not seem quite perfect. They serve as the subject for consideration in the article.

Keywords: *language policy, Russian language, state language, development and support of the state language, a system of measures to enhance speech culture.*

About the author

Vasiliev, Aleksandr D. – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru